

Семинар «Вокруг 'Рождения трагедии'»

«Символика и мифология древних народов, в особенности греков» Г.Ф. Крейцера¹

Creuzer F. Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen. 4 Bde. Leipzig – Darmstadt. 1810-1812.

1 том, 3 глава

27. Можно ли объяснить великое изобретение буквенного письма таким же образом, это нам безынтересно. Но что на этом пути невозможно найти сущность символа, но чувственный образ и символ отличаются от буквенного письма не по степени, а по роду. поэтому весь иконизм различается на две существенно различных области, средоточия которых, которые хотя там и тут соприкасаются друг с другом, но не соприкасаются с другим: кириоогическое и символическое. Чтобы оценить второе для этого недостаточно грубых попыток, предпринимаемых в первой сфере, но объяснение корня всего образного изображения должно искать в самом этом поле.

Один только взгляд на поэтические творения народов показывает нам в качестве неоспоримого факта веру в жизнь вещей. В особенности древний мир, который охватывал все наивным прямолинейным мышлением был незнаком с знакомым нам с разделением телесного и духовного. Самая естественная его привычка была повсюду различать живое. То, что заявляет о себе столь всеобщим образом, и в тот век, чьи представления еще не отвлечены от путей природы посредством извращения, то уже поэтому должно рассматриваться как естественное влечение, и как голос природы. Тем самым мы признаем некое принуждение, которое определяет человека к тому, чтобы полагать себя центром мира и во всех царствах природы, всюду отражать самого себя. Мы не можем ставить себе целью проникнуть к источнику и началу этого образа мысли и искать его, следуя нити философского умозрения в той тайне всякого существования, которую оригинальные мыслители нашего времени обозначают деятельной связью души и природы. Скорее нам следует обратить наш взор вниз на самую иконическую сферу и там предъявить различные формы порождения этого естественного влечения. Для этой цели нам достаточно этого положения и следующих немногих законов:

Прежде всего, наглядность и образность письма и речи, мышления и поэтической фантазии, которая господствует повсюду и в древности, следует рассматривать как произвольное и фигуральное, но в полном смысле достоверное.

Поскольку же тем самым это естественное призвание, высшее принуждение ставит человека в средоточие всего творения, чтобы в нем как в микрокосме собрались лучи всех существ, и чтобы все природы он усмотрел внутри своей природы, он не может рассматривать себя никак иначе как по законам себя самого. Поэтому то, что абстрактный рассудок называет действующей силой, называет лицом. Половое различие любовь и ненависть, союз и расставание, из которых первое как непосредственное следствие предполагает зачатие и рождение, а последнее смерть и гибель; точно так же как напротив и жизнь происходит из смерти.

Тем самым, то, что мы называем образным, есть ни что иное, как отпечаток формы нашего мышления, то есть принуждение, которого не может избежать самый абстрактный и трезвый ум, которому тем охотнее древность оставалась приверженной. Памятники этого образного способа находятся/покоятся в религиях

¹ Семинар проводился в рамках выполнения проекта № 13-09-0142 «Объективность, достоверность и факт в гуманитарных науках раннего Нового времени: историческая реконструкция и пути рецепции» при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013 г.

древнего мира, особенно политеистической, и вымыслы древних поэтов имеют для нас такое большое значение, в особенности теогонии и космогонии, чье основное существо заключается в персонификации творящих/действующих сил, и чей эрос - персонифицированное соединение творящих сил. Тот образ мыслей был в Греции всеобщее распространенной верой, к которой народ был привязан непреходящей любовью, как обнаруживается в образности и мифическом характере его (греческого народа) языка. Он (народ) слышал тот же самый образный язык в стихиях и силах природы. Люди не знали ничего иного, кроме как и эти последние что они тоже приводятся в движение радостью и скорбью, и выражают свои ощущения в выразительных/говорящих образах. Отеческая земля плачет о смерти любимого и являющегося предметом восхищения героя не меньше чем народ². Земля должна породить цветы, которые в расцветке и говорящих чертах ее печаль соединяют с жалобами людей, и для того, чтобы память об оплакиваемом не угасала, устраивается ежегодный праздник, на котором немой язык этих растений служит особнным знаком воспоминаний.

1 сноски – у Павсания описание Эллады по разделам

Zeichen der Erinnerung – знак воспоминания – протестантская риторика

28. После этих предварительных замечаний мы переходим к ближайшему рассмотрению образного выражения. Признаки, которые заключены в примерах метафоры (метафорά) и образа (εἰκόνη), приведенных Аристотелем, приводят нас сразу к основным понятиям символического изображения/выражения (Сноска:). Если/когда поэт говорит, замечает орбитр вкуса/художественный критик (Аристотель), «как лев бросается Ахилл в бой», тогда он говорил в образе, напротив выражение «лев бросился в бой», употребленное в отношении Ахилла, было бы метафорой. А именно здесь при помощи метафорического и образного обозначения спрессованы в средоточие одного единственного впечатления многие свойства, сила, мужество, способность внушить непреодолимый ужас и т.д., которые представляются душе сразу, разом. Это имеет силу для всех видов тропического выражения, основано ли оно на воспринятом сходстве (метафора), или на внутренней или внешней связи двух вещей (метонимия и синекдоха). Все же остается существенное свойство этого способа изображения, что он дает единичное и нераздельное. То, что обособляющий и соединяющий рассудок объединяет в последовательном ряду как единичные признаки образования понятия, и точно также вновь последовательно разделяет на составные части, это тот наглядный способ дает целиком и сразу. Это один единственный взгляд;

нем. мгновение – Augenblick – взгляд

рус. мгновение – моргание, когда мы этого не видим, слепота

одним махом интуиция совершена/завершена, как собственно греческий язык согласно вышеприведенному толкованию пользуется действительно этим образным словом (πρόσβολή) для обозначения образного, и для медленного способа действия рассудка также удачно так же удачно изобрел выражение διέξοδος, напоминающее о долгом пути, перевод которого в слово дискурсивного мышления мы позаимствовали из языка римлян.

Образное выражение – сравнение.

29. Если душа хочет попытаться сделать что-то большее, вознестись к миру идей и сделать образное выражением бесконечного, то поначалу обнаруживается раскол решительный и резкий. Как могло бы ограниченное стать так сказать сосудом и обиталищем неограниченного? Или как может чувственное стать

² После смерти Аякс, рассказывают саламинцы, сначала увидели бело-красное растение, которое имело на своих листьях те же самые печальные черты, которые замечают на гиацинте. Pausan. Attica cap. 35. – Похожий цветок, называемый космосандалон (Kosmosandalon), несли мужчины и женщины на ежегодном празднике Деметры Хтонической несли Гермione, Corinthiaca cap. 35.

заместителем/наместником/представителем того, что, не воздействуя/навязываясь нашим чувствам, может быть познанным только в чистом духовном мышлении? Душа, плененная/скованная/охваченная этим противоречием, и воспринимая его, видит себя поначалу ввергнутой в состояние томления (*Sehnsucht*). Она хочет постичь сущность целиком и без всякого искажения и дать ей жизнь в некоторой форме, однако сущность в пределы этой формы укладываться не хочет. Это мучительное стремление/томление (*Sehnsucht*) родит бесконечное в конечном. Этот дух, ввергнутый в ночь подземного мира, хотел бы возвыситься и пробиться к полной ясности светлого дня. Дух хотел бы видеть само по себе и без покрова то, что одно только поистине есть и пребывает неизменным, и выставить его в отображении в этом непостоянном мире **тенеподобного** существования.

Платонический словарь. Патентованный романтический мотив – *Sehnsucht* – страстное стремление к тому, чего нет.

Поскольку душа соответственно тому, что выше было сказано, рассмотренная таким образом, витает между миром идей и областью чувств и так как она стремится оба эти мира друг с другом связать и приобрести в борьбе в конечном бесконечного, то не может быть иначе, чтобы то, к чему она стремилась и что она завоевала/приобрела, оно (это выражение) несет на себе знаки своего истока/происхождения, и само в своей сущности выдает свою двойную природу? И в самом деле, существенные свойства и как бы элементы символа позволяют нам отчетливо распознать это двойственное происхождение.

Сознательное и бессознательное, конечное и бесконечное.... – в произведении искусства все эти признаки есть

30. [несовпадение сущности и формы в символе, которое делает его выманивающим из повседневности]

Прежде всего, само парение есть его удел. Я имею в виду ту неопределенность отношения между формой и сущностью. Некое общее понятие в символе вошло (стало видно), которое то появляется, то исчезает, и когда мы его хотим постичь, оно ускользает от нашего взора. Как его (символ), с одной стороны, можно назвать солнцеподобным, излученный из мира идей как и полного блеска солнца, если пользоваться платоническим выражением, так, с другой стороны, он замутнен средой/медиумом, через который он попадает в наш взор. И как игра красок радуги возникает благодаря образу солнца, преломленному прохождением через темное облако, так же простой свет идеи в символе разлагается в многоцветный луч значительности/значения.

Ибо символ становится значительным и пробуждающим именно благодаря тому несовпадению сущности с формой и благодаря избытку содержания в сравнении со своим выражением. Тем больше он возбуждает интерес, чем больше он побуждает к мышлению. Именно на этом основании древние почитали его особенно действенным для того чтобы пробуждать человека от привычек повседневной жизни к более высокому. Знарок искусств, который размышлял о природе языка с необычайной проницательностью очень метко замечает «Все, о чем только догадываются страшнее/ужаснее, чем то, что лежит перед глазами без покрова/открыто. Поэтому также и тайные учения излагаются в символах под покровом ночи и во тьме. Символическое можно сравнить с тьмой и ночью»³.

³ Demetrius de elocut. § 100 seq.